»Пров 4

ДІОНИЗІЙ III САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

II

ПЛАТОНЪ II МОСКОВСКІЙ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИГРА ИРИРОДЫ

М. Драгоманова.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Вольнаго Слова», № 27)

ЖЕНЕВА
ТИПОГРАФІЯ «ВОЛЬНАГО СЛОВА»
1882

2 э к з

„Пров 38

„Пров 49:9

224949

ДІОНИЗІЙ III САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКІЙ
и
ПЛАТОНЪ II МОСКОВСКІЙ.

Сравнительно-историческая игра природы.

Такъ какъ значительная часть нашихъ читателей должна была получить воспитаніе во время усиленныхъ заботъ о классическомъ образованіи, но не столько для него самого, сколько для убіенія въ ихъ отечествѣ духа оппозиціи, пущеннаго въ европейское человѣчество классическимъ титаномъ Прометеемъ, — то мы врядъ-ли ошибемся, если сдѣлаемъ обидное, при другихъ условіяхъ, предположеніе, что они, читатели, не очень далеко ушли въ исторіи одного изъ важнѣйшихъ городовъ классической древности, — Сиракузъ. Между тѣмъ знать исторію Сиракузъ слѣдовало бы вообще, а россіянамъ въ особенности, въ виду многихъ сходствъ между этимъ городомъ и столицею россійскаго государства.

Конечно, въ Сиракузахъ лимоны зрѣютъ, а въ Петербургѣ они только поѣдаются, но лимоны дѣло неважное, особенно для людей трезвыхъ. За то Сиракузы—портъ, и С.-Петербургъ, если не совсѣмъ п о р т ъ, такъ окно, (ужъ стекляное ли, или соломенное, это другой вопросъ); Сиракузы—были колоніей грековъ среди варваровъ, Петербургъ — колонія русскихъ среди чухновъ и колонія нѣмцевъ, а еще больше нѣмокъ, среди русскихъ (какія изъ этихъ трехъ или даже четырехъ націй эллины, а какія варвары, мы рѣшать не беремся); напротивъ Петербурга лежитъ крѣпость на острову — Кронштадтъ, напротивъ Сиракузъ лежала такая жъ крѣпость—Ортигія; Сиракузы кишѣли полчищами наемниковъ, Петербургъ кишитъ полками гвардейцевъ и дружинами всякой охраны; Сиракузы лежали на вулканической почвѣ между двухъ вулкановъ,—Петербургъ лежитъ на динамитѣ и живетъ отъ одного взрыва до другаго. Главное же, и Сиракузы, и Петербургъ будутъ на вѣки славны въ исторіи тѣмъ, что порождаетъ и крѣпости, и наемниковъ, и гвардейцевъ, и охраны, и динамиты, — а именно тиранами или самодержцами.

Даже отличія между Петербургомъ и Си-

ракузами, при нѣкоторомъ ученомъ анализѣ, оказываются не такъ то уже большими, какъ съ перваго раза могутъ подумать профаны. Такъ, напр., недавно одинъ московскій ученый доказалъ, что столь излюбленный россійскими властями Макаръ, который куда то телятъ гоняетъ, (и отчего это статую сего бога не поставить, вмѣсто орла, на зерцалахъ, замѣнивъ на нихъ странные указы Петра Великаго троекратнымъ фюйитъ?) есть ни что иное, какъ эллино-финикійскій Геркулесъ-Мелькартъ-Макаръ, (онъ же и московскій Таракашка) гоняющій быковъ солнца. А такъ какъ ученые давно уже добрались, что быки эллинскаго солнца помѣщались нигдѣ, какъ въ Сициліи, то между Сиракузами и Петербургомъ оказывается разница въ томъ, что эллинскій Макаръ гонялъ своихъ быковъ посолонь, на Западъ, т. е. въ Сиракузы, тогда какъ россійскіе Макары, всегда петербургскому Обер-Макару подчиненные, гоняютъ своихъ телятъ (т. е. насъ грѣшныхъ, не дошедшихъ даже до чина быковъ,) противъ солнца, на Востокъ. Разница, конечно, существенная—и для телятъ, взявъ во вниманіе географическія условія, весьма чувствительная. Но все таки, согласитесь, что эта ло-

кализація въ Сициліи общечеловѣческаго бога, культъ котораго принялъ столь самобытную форму въ государствѣ, коего столицею служитъ Петербургъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто провиденціальное.

Провидѣнію угодно было, въ его деспотической игрѣ съ смертными, простереть аналогію между Петербургомъ и Сиракузами до того, что теперь на нашихъ глазахъ въ Невской Пальмирѣ совершается повтореніе сиракузской исторіи тирана Діонизія II съ философомъ Платономъ, — при чемъ роль Діонизія Діонизіевича II, какъ читатель уже, конечно, догадался, играетъ Александръ Александровичъ III, роль же философа Платона Аристовича изъ Аѳинъ исполняетъ никто другой, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ изъ Москвы, само собою разумѣется, при различіяхъ, опредѣляемыхъ заранѣе разницею «климата, пищи и общаго вида природы» — московской и аѳинской.

Это, съ перваго раза удивительное, но, при указанныхъ аналогіяхъ между Сиракузами и Петербургомъ, довольно естественное, явленіе было нами предсказано еще три съ половиною года назадъ въ Громадѣ, т. II, 1878 г. на стр. 441—443 (говорите послѣ

этаго, что политика не то, что астрономія съ ея предсказаніями!) А потому мы нѣкоторымъ образомъ обязаны подѣлиться съ публикою и нашими дальнѣйшими наблюденіями надъ петербургскимъ тираномъ и московскимъ любомудромъ, хотя, признаемся, всѣ эти петербургско-московскіе тираны и любомудры такъ намъ надоѣли, что мы бы, богъ знаетъ, что дали, если бъ можно было забыть ихъ хоть на годикъ — другой.

Начнемъ же по порядку и, какъ прилично, въ серьезномъ сравнительно-историческомъ этюдѣ, съ указанія источниковъ. — Источники эти, впрочемъ, немногочисленны, хотя самаго лучшаго качества: для части сиракузской—письма самого Платона и Біографіи Плутарха, а для части петербургской —газета «Русь» самого И. С. Аксакова.

Изъ классическихъ источниковъ, читатель, вы можете узнать слѣдующее: Между 405 и 368 годомъ до Р. Хр. правилъ въ Сиракузахъ тиранъ Діонизій I Старшій. Такъ какъ онъ былъ тиранъ не по наслѣдству, то, конечно, превосходилъ во многомъ издавна помазываемыхъ мурромъ и содержимыхъ въ дворцовомъ невѣдѣніи самодержцевъ династіи Голштейнъ-Готторнской. Между прочимъ, и

литература и наука все таки уважались при дворѣ его гораздо болѣе, чѣмъ въ петербургскомъ главномъ правленіи по дѣламъ печати и министерствѣ народнаго просвѣщенія. А потому, когда Сиракузы посѣтилъ аѳинскій академикъ (не ординарный) Платонъ, то встрѣтилъ даже въ близкихъ къ тирану кругахъ пріемъ гораздо болѣе радушный, чѣмъ сама Сарра Бернаръ въ первое свое представленіе въ Петербургѣ, и даже былъ представленъ самому тирану,—чего не добилась даже M-me Adam. Впрочемъ, старый тиранъ не остался доволенъ разговорами Платона и даже, говорятъ, устроилъ ему на обратномъ пути въ Аѳины нѣкую каверзу. Но и Платонъ остался недоволенъ Сиракузами: недоволенъ и тираніею (все таки аѳинянинъ!) и ея beau monde'омъ, особенно его роскошными обѣдами у тамошнихъ Борелей. Платонъ находилъ, что послѣ такихъ обѣдовъ, люди ни къ чему путному не могутъ быть способны. Недовольство свое Платонъ выразилъ и кой кому изъ сиракузянъ, между прочимъ, особенно богатому родственнику стараго тирана, Діону, о которомъ послѣ. Сынъ и наслѣдникъ тирана, Діонизій Діонизіевичъ, какъ всякій наслѣдникъ, тоже недоволенъ былъ ходомъ

дѣлъ, которымъ не онъ управляетъ, а потому и онъ отнесся сочувственно къ платоновой критикѣ, переданной ему вскользь Діономъ. И стали они понемногу либеральничать на платоновскія темы—объ оздоровленіи корней. Тутъ же старый тиранъ умираетъ и Діонизій II вступаетъ на престолъ, уже, можно сказать, родительскій, и получаетъ возможность осуществить свой наслѣдническій либерализмъ, идеи объ оздоровленіи корней и прочее въ такомъ родѣ. Черезъ Діона онъ передаетъ Платону приглашеніе пріѣхать въ Сиракузы въ качествѣ самаго свѣдущаго на счетъ оздоровленія корней человѣка. Платонъ принимаетъ приглашеніе, льстя себя мыслію показать міру— и эллинамъ, и варварамъ (г. Аксаковъ о варварахъ бы думать не сталъ), — что значитъ союзъ власти и философіи.

Но,— о боги!— какъ же въ лицѣ Платона опозорилась философія и передъ эллинами, и передъ варварами! А опозорилась она, главнымъ образомъ, потому, что вмѣсто того, чтобы, какъ прилично философіи, дѣйствовать независимо, среди свободныхъ людей, вздумала дѣйствовать именно въ союзѣ съ властію.

Молодой самодержецъ сгоряча хотѣлъ было

отказаться отъ своей власти и возстановить въ Сиракузахъ демократическую республику, — но его отговорили отъ исполненія этого плана именно философы: Діонъ съ Платономъ. По крайней мѣрѣ, самъ Діонизій разсказывалъ объ этомъ потомъ совершенно опредѣленно. Платонъ же, хотя и опровергалъ это показаніе, но не вполнѣ, а косвенно подтверждалъ его своими разсказами объ отношеніяхъ къ тирану, своихъ и своего пріятеля, Діона. Довольно вѣроятно, что самодержецъ нѣсколько привиралъ, особенно тогда, когда Діонъ поднялъ противъ него революцію, такъ какъ совсѣмъ начисто отказаться отъ власти — самодержцы добровольно никогда не отказываются. Но несомнѣнно, что въ началѣ Діонизій Діонизіевичъ обнаруживалъ довольно либеральные порывы. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ прибытія почтеннаго гостя изъ аѳинской республики, Діонизій на одномъ торжественномъ собраніи произвелъ чистый скандалъ: когда герольдъ провозгласилъ обычную фразу: «да будетъ долго ненарушима власть самодержца»! — Діонизій закричалъ: «остановись! не призывай на насъ такого проклятія!» Очевидно, что, возьмись Діонъ съ Платономъ за дѣло съ толкомъ, то кой какую

конституцiйку получить съ Дiонисiя было бы возможно, — а тамъ, при помощи философiи, обращенной уже не къ одному двору, а ко всей публикѣ, можно бы было и до чего нибудь болѣе существеннаго доработаться. Но философы, Платонъ съ Дiономъ, вмѣсто того, чтобъ ковать желѣзо, пока оно горячо, стали «мудрить съ жизнью», какъ выражается П. С. Аксаковъ (и очень хорошо выражается!) Они задумались: какой будетъ прокъ отъ республики въ Сиракузахъ? Видите ли, Платонъ, наблюдая жизнь въ своемъ городѣ и около, пришелъ къ заключенiю, что всѣ политическiя формы настоящаго времени — тиранiя, олигархiя и демократiя, въ дѣйствительности плохи и что «одна философiя можетъ указать границу между правдою и неправдою, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для правителей».

Идея это, коли хотите, вѣрная въ томъ смыслѣ, что для разумнаго устройства общественныхъ дѣлъ, особенно болѣе сложныхъ, каковыми они уже стали въ эпоху Платона даже въ городскихъ государствахъ, нужно пониманiе ихъ и умѣнiе соглашать общiе и частные интересы, для чего прежде всего нужно весьма сложное воспитанiе и лицъ, и общест-

ва. Но дѣло въ томъ, что дойти до такого воспитанія люди могутъ только собственнымъ опытомъ, т. е. не иначе, какъ посредствомъ свободы. Платонъ же, сравнивая свой идеалъ человѣка съ дѣйствительными экземплярами двуногихъ животныхъ безъ перьевъ, представлялъ себѣ послѣднихъ такими уже ничтожествами, такими дѣтьми, что дать имъ свободу считалъ опаснымъ для ихъ же собственной пользы, покуда они не будутъ научены различать точную «границу между правдою и неправдою». Подобно Платону думаютъ многіе философы (напр., теперь почти всѣ люди науки во Франціи) и оттого они или стоятъ за всякую власть, хотя бы и столь далекаго отъ добродѣтели Наполеона III, или же лѣзутъ сами во власть, или же, — и это самое благоразумное, — пессимистически махаютъ рукою на всякую политику, а занимаются каждый исключительно своею спеціальностью. Что до Платона лично, то, къ сожалѣнію, въ его время еще науки не были спеціализированы, и въ кругъ его философіи входила столько же политика, сколько и геометрія, — а потому ему оставалось или добиваться власти, или къ ней прилаживаться. Какъ человѣкъ добродѣтель-

ный, онъ думалъ не о себѣ, а о человѣчествѣ *) —и, считая людей за испорченныхъ или за дѣтей, онъ пришелъ къ заключенію, что конецъ «бѣдствіямъ человѣчества наступитъ только тогда, когда во главѣ правительства станутъ истинные философы, или же когда, божественнымъ промысломъ, властелины государствъ станутъ сами философами».

Послѣднее, пожалуй, было бы и недурно, еслибъ можно было какъ нибудь подбить божественный промыселъ къ откомандированію съ неба на землю нѣкотораго количества ангеловъ-философовъ въ властелины государствъ, а при теперешнихъ большихъ государствахъ, такъ и въ губернаторы и даже, пожалуй, въ становые пристава и урядники. Только что жъ вы сдѣлаете съ Зевсомъ, о которомъ еще кой кто изъ древнихъ философовъ, подогадливѣе, замѣтилъ, что онъ или вовсе не заботится о смертныхъ, или даже такъ глупъ, что чаще всего бьетъ молніей свой же собственный храмъ на Суніонѣ?!

*) Хотя, впрочемъ, письмецо его къ Діонизію II на счетъ пособія на приданое племянницѣ бросаетъ на аѳинскаго философа столь же маленькую тѣнь, какъ и банковая служба на московскаго.

Очевидно, что смертнымъ надо устроиваться какъ нибудь «домашними способами». И смертнымъ философамъ приходится чаще всего выбирать между существующею «неразумною толпою» и существующими властелинами, — и позоръ, и горе тому философу, который предпочтетъ имѣть дѣло съ послѣдними, вмѣсто того, чтобъ возиться съ толпою, при всемъ ея неразумiи! Платонъ — предпочелъ властелина, и такъ какъ онъ предпочелъ его съ добрыми намѣреніями, а не для корысти, то тѣмъ паче опростволосился.

Какъ сказано было, Платонъ съ Діономъ ничего добраго не ожидали отъ испорченныхъ сиракузянъ; философы опасались, что сиракузяне не станутъ ихъ слушаться, если они начнутъ говорить къ нимъ, какъ простые смертные, а не какъ власть имѣющіе. Въ добавокъ, и тутъ примѣшались своего рода страхъ сепаратизма и своего рода обрусеніе и борьба съ интригою: опасеніе, какъ бы не распалось созданное Діонизіемъ I, хотя и кровавымъ путемъ, но большое государство изъ городовъ греческихъ и варварскихъ въ Сициліи и южной Италіи, и какъ бы варвары итальянскіе и карѳагенскіе не взяли верхъ надъ греками, пока тѣ будутъ заняты

устройствомъ своего самоуправленія: ибо вѣдь, если дать самоуправленіе Сиракузамъ, то пришлось бы дать его и подчиненнымъ городамъ. По всѣмъ этимъ и подобнымъ соображеніямъ, философы, Платонъ съ Діономъ, рѣшились охладить порывы конфузящагося своего самодержавія тирана и, вмѣсто политическаго идеала самоуправляющейся и саморазвивающейся демократіи, поставили передъ нимъ педагогическій идеалъ отца и дѣтей да добродѣтельнаго, умнаго и твердаго персидскаго царя Дарія, который выбралъ себѣ семь такихъ же добродѣтельныхъ, умныхъ и твердыхъ друзей и поставилъ ихъ правителями надъ семью областями своего обширнаго государства, каковое онъ такъ укрѣпилъ, что оно стоитъ твердо и до сего дня. (Платонъ писалъ это всего за тридцать лѣтъ до знаменитаго краха персидской монархіи, произведеннаго вторженіемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ арміи Александра Македонскаго.) Платонъ съ Діономъ посовѣтовали и Діонизію прежде всего позаботиться о томъ, чтобъ пріобрѣсть повсюду, въ подчиненныхъ ему городахъ, друзей, подобныхъ Даріевымъ, а для этого начать съ того, чтобъ самому приготовить себя до способности выбрать такихъ друзей.

«Мы съ Діономъ, писалъ философъ, совѣтовали Діонисію, что, такъ какъ отецъ его не далъ ему хорошаго воспитанія и приличнаго общества, — то ему слѣдовало прежде всего создать себѣ между родными и сверстниками друзей, которые бы помогали ему въ практикѣ добродѣтели; мы совѣтовали ему особенно стараться быть вѣрнымъ себѣ и постояннымъ, такъ какъ ему особенно не доставало этихъ качествъ. Впрочемъ, мы ему не давали уроковъ прямо; это было бы опасно! (таки и философы хитрятъ при дворѣ! конечно, для блага человѣчества, — а вовсе не изъ зараженія придворнымъ духомъ и изъ внутренняго холопства!) но косвенно мы ему давали понять это, говоря ему, что всякій человѣкъ, который хочетъ спасти себя и тѣхъ, кѣмъ онъ управляетъ, долженъ слѣдовать этимъ правиламъ. Держась такимъ образомъ, говорили мы ему, учась быть мудрымъ и добродѣтельнымъ, возстановивъ затѣмъ раззоренные греческіе города въ Сициліи, давши имъ законы и политическія учрежденія, которые сдѣлаютъ ихъ въ одно и тоже время и болѣе подчиненными его правленію, и лучше соединенными между собою въ борьбѣ противъ варваровъ, — онъ не только

удвоить, но увеличить въ безконечное число разъ могущество, которое оставилъ ему отецъ, и подчинить себѣ карѳагенянъ скорѣе, чѣмъ Гелонъ [illegible] и т. д. Впрочемъ, въ отдаленной перспективѣ Платонъ съ Діономъ имѣли въ виду, по крайней мѣрѣ для Сиракузъ (т. е. для «коренныхъ губерній»), если не для подчиненныхъ имъ городовъ («окраинъ»), вовсе не одну только личную тиранію (они все же понимали, что такая тиранія неблагонадежна по части постоянства добродѣтели), а тоже въ своемъ родѣ «увѣнчаніе зданія», или «иллюзію», иначе конституцію, — «законное правленіе», какъ говорилъ Платонъ, или «правовой порядокъ», какъ говорятъ русскія газеты,— только уже, конечно, не простую демократическую свободу, (это было бы слишкомъ просто для педагоговъ и тоже не совсѣмъ благонадежно насчетъ безпрерывнаго господства добродѣтели), — а нѣчто очень хитрое и сложное, — нѣчто подобное лакедемонскому устройству, столь любезному всѣмъ педагогамъ, только еще сложнѣе: нѣсколько царей, сенатъ, потомъ еще одна корпорація—составителей законовъ (что-то въ родѣ свѣдущихъ людей), которые отъ себя выберутъ еще одну корпорацію —

хранителей законовъ (что то въ родѣ государственнаго совѣта изъ однихъ тайн. сов. Галагановъ). Однимъ словомъ, «увѣнчаніе зданія» Платона и Діона было дѣйствительно «иллюзіи»:—невозможная мѣшанина учрежденій, одно съ другимъ несовмѣстимыхъ и способныхъ функціонировать только при необыкновенной добродѣтели всѣхъ ихъ членовъ. А пока философы найдутъ возможнымъ увѣнчать зданіе, должна была, конечно, оставаться тиранія, т. е. самодержавіе готоваго тирана, только всѣ усилія философовъ должны были направиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ этого тирана олицетвореніе добродѣтели или философіи. Такимъ образомъ, по словамъ самого Платона, онъ съ Діономъ надѣялись «обративъ Діонизія къ добродѣтели, исправить нравы отечества и дать ему истинное счастіе, безъ убійствъ, безъ кровопролитія, безъ всѣхъ бѣдствій гражданской войны».

Разумѣется, для такой педагогической задачи, нужно было прежде всего сдѣлать школьникомъ самого будущаго народнаго педагога, тирана. Что школьника-тирана посадили на строгую діэту, это само собою разумѣется, равно какъ и то, что сокращеніе расходовъ стало главною заботой сиракузскаго минис-

терства двора и другихъ министерствъ. Правда, при сиракузскомъ дворѣ апельсинъ не считали, но только потому, что апельсины тогда еще не были вовсе извѣстны не только въ Петербургѣ, но и въ Сициліи. Штановъ у солдатъ сиракузскихъ тоже не укоротили, но только потому, что классическіе солдаты обходились совсѣмъ безъ штановъ. Но на крючкахъ достигнута была большая экономія. Объ экономіи хлопоталъ самъ тиранъ, а философы занялись главнымъ образомъ устройствомъ для него школьнаго образованія. Такъ какъ греки отъ природы говорили по гречески, то засадить самодержца за греческіе аористы не могло прійти въ голову даже тогдашнимъ Катковымъ и Леонтьевымъ; латинскій же языкъ былъ тогда варварскимъ и могъ входить развѣ въ тогдашнее реальное образованіе (на немъ говорили въ казармахъ), а не классическое, а потому воспитаніе тирана въ добродѣтели пришлось начать — математикой. Діонизія засадили за геометрію! Сгоряча, онъ принялся очень усердно.

Разумѣется, что за геометрію же взялся и весь дворъ. Плутархъ разсказываетъ, что, едва только Платонъ показался въ Сиракузахъ

захъ, весь дворъ тирана наполнился пескомъ: придворные чертили на немъ геометрическія фигуры. Послѣ сиракузскій самодержецъ не могъ безъ ярости вспоминать этихъ уроковъ геометріи и вообще своего обращенія въ школьники. Уже поссорившись съ Діономъ и начавъ ссориться съ Платономъ, Діонизій спросилъ разъ аѳинскаго философа, нарочно въ присутствіи постороннихъ: помнитъ ли онъ, какъ онъ совѣтовалъ ему, Діонизію, возстановить греческіе города? — и когда Платонъ замѣтилъ, что онъ совѣтовалъ еще и другое (это былъ намекъ на совѣты приготовиться къ этому возстановленію посредствомъ добродѣтели), Діонизій съ злымъ громкимъ смѣхомъ закричалъ: «о, да! ты приказывалъ еще: не заботься объ этомъ; тебѣ еще нужно учиться!» — а когда Платонъ отвѣтилъ: «у тебя хорошая память.» — тогда взбунтовавшійся школьникъ-самодержецъ замѣтилъ со злостію: «какъ у настоящаго ученика геометріи, — не правда-ли?!»

Ну, можно ли было долго занять самодержца геометріей и удержать въ предѣлахъ сухожденія и сокращенія расходовъ?! Конечно, что, по прошествіи извѣстнаго времени, тиранъ взбунтовался: сначала, подъ благо-

видным предлогом, изгнал Диона. Платона же держал более под арестом, чем в почетном приближении, — и зажил во всех отношениях, как следует самодержцу. Геометрию заменили пиры со всем подобающим, — так что Плутарх говорит, что, глядя на быстрое превращение сиракузских придворных из математиков в кутил, можно было думать, что тут не обошлось без нечистой силы. Цицеп.

Остальное более или менее известно: Платон насилу выбрался по добру из Сиракуз: Дион таки должен был поднять против тирана революцию и, когда, одолевши Дионизия, сам не поспешил восстановить республику,—все в видах педагогических, — то сам был убит, как претендент на тиранию. Дионизий воротился в Сиракузы, но был окончательно выгнан действительным республиканцем Тимолеоном. Этот, столько же добродетельный, сколько и здравомыслящий человек не задавался педагогическими целями, — а попросту, одолев Дионизия, разорил его Бастилию, кр. Ортигию, — и восстановил в Сиракузах демократию. И что ж вы думаете? Ни Сира-

кузы, ни сиракузское обрусеніе, ни самъ Тимолеонъ, ни, наконецъ, сама добродѣтель отъ этого не только не потеряли, но, напротивъ, всѣ выиграли: опустошенныя Сиракузы населились новыми колонистами, равно какъ и другіе греческіе города Сициліи, избавленные отъ деспотовъ, при чемъ (замѣтьте, народники!) довольно не дурно были устроены и аграрныя отношенія,—карѳагенская интрига была поражена, Тимолеонъ дожилъ въ Сиракузахъ до глубокой старости, являясь на народныя собранія, какъ частный человѣкъ, изъ домика, построеннаго ему обществомъ, говорилъ, что ему казалось нужнымъ, выслушивалъ возраженія и даже пристрастныя нападенія, отвѣчая на послѣднія благодарностью богамъ за то, что они дали ему увидѣть исполненіе его желанія, что въ каждый сиракузянинъ имѣлъ свободу говорить все, что захочетъ. — и «неразумная и буйная толпа» соглашалась съ мудрымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, который не лѣзъ въ педагогическое начальство, а былъ настоящимъ философомъ и учителемъ на столько, на сколько онъ естественно превосходилъ другихъ умомъ, опытомъ и характеромъ. Съ такимъ же почтеніемъ, какъ Сиракузы, слу-

шали слова Тимолеона и всѣ сицилійскіе греки *).

Надо, впрочемъ, признаться, что и Діонисій II нашелся тоже довольно недурно: потерявъ сиракузскій престолъ, онъ открылъ въ Коринѳѣ школу для дѣтей и, кромѣ того, обучалъ пѣнію уличныхъ пѣвцовъ. Въ этомъ все таки видно новое доказательство превосходства нединастическихъ самодержцевъ сиракузскихъ надъ петербургскими помазанниками и нѣкоторая польза пиѳагорейской дрессировки, которой Платонъ подвергалъ молодаго тирана. Александръ III врядъ ли сумѣетъ такъ устроиться, если ему придется наскочить на своего Тимолеона. Но въ этомъ надо будетъ обвинить столько же привычки его династіи, сколько и ту совершенно безплодную школу, которую проходитъ теперь тиранъ петербургскій подъ руководствомъ философа московскаго.

Мы, впрочемъ, предостерегали и петербургскаго ученика, и московскаго учителя еще

---

*) Мы бы очень совѣтовали ученикамъ классическихъ гимназій читать біографіи этого почтеннаго человѣка у Плутарха и Корнелія Непота, только боимся, что бы имъ не досталось за это вполнѣ классическое занятіе отъ начальства.

очень заблаговременно. Вы помните, конечно, читатель, время передъ началомъ послѣдней русско-турецкой войны, — когда И. С. Аксаковъ вылѣзъ изъ своего банковскаго удаленія и вновь заставилъ о себѣ говорить своими рѣчами въ славянскомъ комитетѣ. Г. Аксаковъ былъ тогда исполненъ самаго искренняго желанія освободить братьевъ славянъ и усматривалъ препятствіе къ этому освобожденію въ противунаціональной дипломатіи, которую и громилъ, на сколько у него хватало умѣнья говорить съ оглядкою на цензуру. Извѣстно, что даже въ болѣе свободныхъ монархическихъ государствахъ дипломатія подчиняется сильному вліянію монарха. Въ Россіи же, да еще при Александрѣ II, который почиталъ себя спеціально-призваннымъ разработывать международное право, дипломатія всецѣло исходила отъ царя. Въ добовокъ, ни для кого не были тайною берлинскія симпатіи покойнаго императора, равно какъ и то, что берлинскимъ политикамъ столько же нежелательна прочная автономія балканскихъ племенъ, которая бы предохранила ихъ отъ господства Австро-Венгріи, сколько и подчиненіе ихъ Россіи. Всякій здравомыслящій славянофилъ или

даже фанатикъ внѣшняго расширенія Россіи въ 1875 — 1877 гг., при видѣ пруссизма русской царской дипломатіи, долженъ бы былъ стать именно противникомъ абсолютизма въ Россіи, такъ какъ, именно при абсолютизмѣ, русскій императоръ всего легче становится прусскимъ намѣстникомъ въ Петербургѣ *). Но г. Аксаковъ ухитрился громить петербургскую дипломатію и восхвалять петербургскаго царя, проповѣдуя при семъ, и какъ фактъ, и какъ догматъ, единство этого царя съ народомъ, который-де, въ противность дипломатіи, слышитъ и видитъ освобожденіе своихъ заграничныхъ братьевъ.

Видя такое помраченіе духа московскаго оратора и видя, что значительная часть общества въ Россіи осыпаетъ его похвалами, вмѣсто того, чтобъ совершенно серьезно посовѣтовать его роднымъ полечить его, — а также слыша, что г. Аксаковъ находится въ давнихъ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему наслѣднику, который, какъ разсказывали, даже ссорился изъ за нихъ съ гр. П.

*) Вѣдь вотъ же и Александръ III, послѣ всѣхъ анекдотовъ о его пруссофобіи и regnante Ignatievo, все таки поѣхалъ въ Данцигъ и предалъ Боснію и Герцеговину Австріи.

А. Шуваловымъ, правившимъ одно время Александромъ II и Россіей, — мы, нисколько не сомнѣваясь, что правительство Александра II надѣлаетъ глупостей въ восточнымъ вопросѣ до войны, во время ея и послѣ, — и что г. Аксаковъ самъ возраститъ палку и на славянъ, и на самого себя, — думали только о томъ: какую же путаницу смастеритъ московскій краснобай. когда вступитъ на престолъ Александръ III, а краснобай сей попадетъ въ придворные философы?! Вотъ тогда то мы вспомнили исторію Діонизія II и Платона. Мы себѣ представили Александра III, по слухамъ славянофила и даже нѣсколько, если не либерала, то охотника до земщины и неохотника до чиновничества. — желающимъ хоть нѣсколько разорвать съ политикою своего отца, — и г. Аксакова, который тутъ то и начнетъ мудрить и собьетъ окончательно съ толку петербургскаго тирана. По нашему разсчету, г. Аксаковъ непремѣнно долженъ былъ разыграть при Александрѣ III роль Платона при дворѣ Діонизія II, и мы позволили себѣ въ «Громадѣ» 1878 г. шуточно набросать нѣсколько деталей изъ ожидаемаго положенія. Конечно, событія нѣсколь-

ко видоизмѣнили наши предположенія, но въ основѣ они совершенно оправдались.

С. Петербургскій Діонизій, конечно, никогда не могъ быть такъ либерально настроенъ, какъ его сиракузскій предшественникъ. Но можно охотно повѣрить, что онъ совершенно искренно желалъ бы чѣмъ нибудь новымъ ознаменовать свое царствованіе и въ тоже время сбросить съ себя хоть часть непосильнаго бремени и отвѣтственности; можно повѣрить особенно, что онъ наглядно убѣдился въ негодности чиновническаго управленія и потому уже былъ бы не прочь поставить свое правительство въ болѣе близкія, простыя и дѣловыя отношенія къ населенію. Правда, что насильственная смерть отца должна была ошеломить молодаго самодержца, заставивъ его думать больше всего о личной охранѣ и возбудивъ у него отвращеніе къ освободительному движенію. Но та же самая смерть и вообще послѣдніе годы царствованія Александра II должны же были заставить Александра III подумать надъ системою, которая привела къ такимъ печальнымъ результатамъ. Предоставленный самому себѣ, не говоря уже о вліяніи сколько нибудь толковыхъ людей, быть

можетъ, петербургскій Діонизій Младшій и додумался бы до чего нибудь путнаго. Но на бѣду судьба послала ему въ Менторы московскихъ философовъ, особенно г. Аксакова. — который довелъ несчастнаго гатчинскаго отшельника до самаго отчаяннаго положенія.

Московскій Платонъ придумалъ для своего ученика тоже своего рода геометрію, — но только нѣсколько самобытную. Какъ врагъ изобрѣтеній Запада, а также всего, являющагося во плоти, въ опредѣленной формѣ, — ибо «точію духъ животворитъ», — московскій любомудръ придумалъ и геометрію «по духу:» фигуры краснорѣчія, особенно круги и спирали изъ числа тѣхъ, которые по латыни зовутся circuli vitiosi, а по русски заколдованные круги. Хоть три года вертись, — ни до чего не довертишься, кромѣ головокруженія!

Ученикъ желаетъ получить наставленіе: что ему дѣлать въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ?—«Главное, говоритъ учитель, не уступай требованіямъ крамолы, не внимай совѣтамъ лживой интеллигенціи, опасайся лжеобщества, лжеземства, лженарода. Все это миражи и черти, идущіе съ чужаго поля, съ гнилаго запада. Мы тебѣ придума-

емъ нѣчто самобытное; народная самобытность — главное дѣло! Она была у насъ до Петра I, — а теперь пропала. Мы ее найдемъ назади, дома, въ Москвѣ»!....

Бѣдный ученикъ сейчасъ же готовъ бы ѣхать въ Москву, но пока въ ней устроятъ свою Гатчину, долженъ сидѣть въ Гатчинѣ Петербургской. Тамъ то онъ обдумываетъ урокъ, выслушанный отъ учителя:—Хорошо... Народная самобытность! Ну, а какъ такой же самобытности потребуютъ у меня всѣ народы моей имперіи: хохлы, литвины, ляхи, нѣмцы и т. п.? Вѣдь этихъ нерусскихъ, или нечисто-русскихъ народовъ у меня, слава богу, до сорока милліоновъ. Потомъ: назадъ, въ Москву! Такъ вѣдь и въ Москвѣ былъ и Иванъ Грозный съ Малютою, былъ и царь Алексѣй съ боярами (и хищеніемъ!) были и земскіе соборы. Вѣдь вотъ жена слышала, есть такіе, которые говорятъ, будто эти соборы XVII в. все равно, что французскіе états généraux и англійскіе парламенты XIV в., т. е. тѣ же представительныя собранія гнилаго Запада, только въ зачаточномъ состояніи. Самъ Аксаковъ какъ будто то же самое думаетъ, какъ будто опасается, что теперь никакой земскій соборъ не ограничится старо-

московскими «челобитіями» и «сказками» царю-государю, а сейчасъ же захочетъ вступить во всѣ права взрослыхъ парламентовъ, —опасается на столько, что поспѣшилъ мнѣ поднести уже въ печатномъ видѣ записку, поданную братомъ его моему родителю. А записка эта, послѣ всякой брани на чиновническій Петербургъ и всякой хвалы земской Москвѣ, упрашиваетъ: только, пожалуйста, не созывайте земскаго собора.—Такъ что же мнѣ дѣлать то?

— «Не надо средостѣнія между царемъ и народомъ!» кричитъ на другой урокъ московскій Платонъ.

— Хорошо, не надо средостѣнія; безъ средостѣтія проще и дешевле. Только что же это за средостѣніе? По «Руси» выходитъ разъ, что это «либеральная интеллигенція», — въ другой, что это «бюрократія», а въ третій — все это вмѣстѣ: «либерально-бюрократическая интеллигенція». Такъ либеральная интеллигенція, кажется, и въ Петербургѣ никогда не поощрялось: прабабка Екатерина II, хоть и съ Вольтерами водилась, а все ни Новикову, ни Радищеву спуску не давала. Такимъ образомъ, безпорядки въ государствѣ врядъ ли могли произойти отъ недостатка

бдительности за либеральною интеллигенціею. Бѣда, вѣрно, въ томъ, что въ Россіи допущена вообще интеллигенція. Можно бы было попробовать уничтожить эту интеллигенцію, если бъ можно было безъ нея хоть оградить Аничковскій дворецъ отъ подкоповъ, не говоря уже объ арміяхъ, флотахъ, горныхъ заводахъ и т. п. Уничтожить бюрократію легче. Всего бы легче уничтожить либеральную бюрократію, посадивъ повсюду шефами бюрократовъ нелиберальныхъ, которые бы уже постепенно произвели подборъ низшихъ бюрократовъ. Такъ это уже пробовали и дѣдъ мой, и родитель, — но дѣла Россіи и даже безопасность царства отъ этого не процвѣли. Остается попробовать уничтожить всякую бюрократію, — и по временамъ мнѣ кажется, будто «Русь» намекаетъ на что то подобное. Но вѣдь, хорошенько подумавши, находишь, что этотъ совѣтъ смахиваетъ на совѣтъ превратить Россію въ сущности въ федеративную республику, — а ни федераціи, ни республикъ учитель не любитъ. При томъ же и тутъ оказывается загвоздка, въ родѣ какъ съ народною самобытностью: вѣдь если вывести бюрократическое средостѣніе изъ Польши, Литвы, Бессарабіи, Бѣлоруссіи, Украйны,

Балтійскихъ провинцій, — то что же тамъ станется съ «обрусеніемъ», «русскимъ дѣломъ», «русскими интересами» и т. п.? А вѣдь учитель сколько разъ совѣтовалъ «держать высоко русское знамя на окраинахъ». Кто жъ его тамъ станетъ держать, если оттуда средостѣніе вывести?! Нѣтъ, очевидно, средостѣніе надо оставить, какъ оно есть.

— «Стать лицемъ къ лицу съ народомъ! прислушиваться къ біенію его сердца, а не къ голосу фальшиваго общественнаго мнѣнія!» кричитъ въ слѣдующій разъ Платонъ II. — Діонизій III, ничему бы не былъ такъ радъ, «даже въ геморондальномъ отношеніи», какъ прогулкѣ въ народъ, à la Гарунъ-аль-Рашидъ. Но крамола не пускаетъ. Развѣ, напр., лѣтнее путешествіе по Волгѣ похоже на прогулку Гарунъ-аль-Рашида, а не на поѣздку мыши въ желѣзной клѣткѣ? При томъ же и изъ газетъ, и по разсказамъ вѣрныхъ людей, Діонизій III знаетъ, что народное сердце бьется больше всего на тему передѣла земель. Пробовалъ онъ было у Платона спросить объ этомъ передѣлѣ, — такъ Платонъ ему на слѣдующій урокъ приказалъ выучить теорію г. Дм. Самарина «о достаточности крестьянскихъ надѣловъ» и еще прибавилъ,

что это моль пишетъ брать того самаго Самарина, котораго Шуваловъ соціалистомъ называлъ,—такъ, значитъ, онъ ужъ навѣрное мужика не обидитъ; высѣчетъ, а не обидитъ!

Вотъ въ такихъ то кругахъ да спираляхъ вертѣлъ московскій Платонъ петербургскаго Діонизія почти цѣлый годъ. Одинъ разъ, на канунѣ новаго 1882 г., Діонизій III, довертѣвшись до тошноты, потерялъ наконецъ терпѣніе и присталъ къ учителю съ рѣшительнымъ вопросомъ: *)

— Да что же намъ дѣлать?

— «Какъ, что дѣлать?! спросилъ Платонъ II, изумляясь тому, можно ли послѣ столькихъ, кажется, вполнѣ понятныхъ уроковъ, предлагать подобные вопросы? — Какъ, что дѣлать? — Быть самими собою!»

— Что же это значитъ: быть самими собою? спросилъ Діонизій, недоумѣвая и думая: неужели до сихъ поръ и онъ былъ не онъ, и Дагмара не Дагмара, и Игнатьевъ не Игнатьевъ?

---

*) Слѣдующая сцена описана почти съ буквальною точностью въ 59 № «Руси» за 1881 г.

— «Возстановить цѣльность жизни!» — обязательно пояснилъ Платонъ.

— Слышалъ я это уже не разъ,—да еще меньше понимаю это; укажите же наконецъ толкомъ: какъ стать самими собою, какъ возстановить цѣльность жизни??—вскричалъ выведенный наконецъ изъ терпѣнія ученикъ и сталъ наступать на учителя съ видомъ, не предвѣщающимъ ничего добраго.

При такомъ оборотѣ дѣла, учитель подался нѣсколько назадъ и самъ потерялъ обычную увѣренность въ себѣ.

— «Мы не знаемъ, пробормоталъ онъ, мы не обладаемъ такимъ секретомъ. Можетъ быть, ларчикъ и просто открывается, — можетъ быть, и нѣтъ»....

Діонизій III упалъ въ кресла. — Не вытолкать ли его въ шею со всѣми другими московскими дервишами?—мелькнуло у него въ умѣ, и уже богатырскій кулакъ его приготовлялся исполнить эту здравую мысль. Но тиранъ подумалъ, что ему тогда не останется ничего другаго, какъ или тотчасъ же послать за Петромъ Шуваловымъ, который такъ унижалъ его когда то, и предложить ему вновь воцариться въ зданіи у Цѣпнаго моста, или

и впрямь созывать земскій соборъ,—и остановился....

Настало молчаніе. И. С. Аксаковъ, думавшій въ послѣднія минуты о томъ, какъ бы ему убраться по здорову отъ кулаковъ богатыря-ученика, самъ началъ раскаиваться въ своемъ краснорѣчіи и вспомнилъ пословицу, особенно идущую къ безвыходнымъ положеніямъ: «слово серебро, а молчаніе золото». Но, какъ старый діалектикъ изъ кружка Рудина, сейчасъ же ухватился за слово «молчаніе» и закраснобаилъ снова:

— «И въ самомъ дѣлѣ, (какъ хорошо это: «и въ самомъ дѣлѣ!») не у тѣхъ ли разгадка вопросовъ, кто въ настоящую минуту молчитъ? Не они ли скажутъ намъ простую правду, простое слово жизни.... О, если бы ихъ вызвать на слово!»

— Да, если бы ихъ вызвать на слово!! повторилъ за учителемъ ученикъ, — и вновь ему вспомнился Гарунъ-аль-Рашидъ, но за тѣмъ тотчасъ же нигилисты.—Нѣтъ, Гарунъ-аль-Рашидомъ нельзя! Остается добиваться слова жизни у тѣхъ, кто теперь молчитъ, или посредствомъ урядниковъ, или посредствомъ закона о свободѣ сходокъ.

— Такъ какъ же, Иванъ Сергѣевичъ:

урядниками, или закономъ о свободѣ сходокъ?

Иванъ Сергѣевичъ затруднился: въ глубинѣ духа урядники ему таки нравились и своимъ монархическимъ характеромъ, и своимъ славянскимъ именемъ; не нравилось ему только то, зачѣмъ столь прекрасное учрежденіе выдумано въ петербургскій періодъ, а не въ московскій, и зачѣмъ оно названо «институтомъ», а не «семенищемъ», — но онъ посовѣстился высказаться за урядниковъ. За то законъ о свободѣ сходокъ онъ рѣшительно отвергъ, какъ штуку западную. При томъ же смутный голосъ говорилъ ему, что и при свободѣ сходокъ, и даже при очень усиленномъ вызовѣ со стороны урядниковъ, молчащіе, когда заговорятъ, то навѣрное скажутъ простое слово жизни: «отстань!....» Собственно изъ страха подобнаго отвѣта И. С. Аксаковъ и забросилъ напередъ словечко «лженародъ», котораго надо страшиться, въ отличіе отъ «народа», которому надо довѣряться. Въ глубинѣ духа онъ самъ дѣлалъ между однимъ и другимъ такую разницу: народъ, молчащій, и есть народъ, а народъ, такъ или иначе говорящій,—есть лженародъ,—а потому И. С., хоть и говорилъ, что хорошо бы было вы-

звать молчащихъ на произнесеніе слова жизни, но когда къ нему приставали съ вопросомъ: какъ же вызвать молчащихъ на разговоръ? онъ всегда кассировалъ всѣ предлагаемыя средства и сводилъ обсужденіе на нѣтъ.

Такъ случилось и на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что стрѣлка приблизилась къ полуночи, — и самодержавный ученикъ долженъ былъ обратиться къ исполненію своихъ текущихъ обязанностей въ бѣличьемъ колесѣ тиранскаго житья.

Насталъ 1882 г. — и дѣла государства пошли своимъ чередомъ,—т. е. все хуже да хуже. Казна все пустѣетъ, крамола бодрствуетъ, народъ началъ пошаливать даже въ Варшавѣ, а средостѣніе, знай, крадетъ: въ одномъ Таганрогѣ украло 70,000,000 рублей. — Что дѣлать? что дѣлать?! — Старый Платонъ, аѳинскій, видя, что геометрія тутъ рѣшительно не помогаетъ, навѣрное, посовѣтовалъ бы своему ученику заняться алгеброй, чтобъ вычислить, по крайней мѣрѣ, на сколько лѣтъ можетъ хватить государства, если средостѣніе будетъ продолжать красть все въ той же прогрессіи, пока будутъ придуманы положительные способы обходиться

безъ него. Но московскій Платонъ считаетъ и алгебру наукой все еще не достаточно духовною и при томъ агарянскою, — а потому, даже послѣ извѣстія о кражѣ въ Таганрогѣ, нашелся замѣтить только одно: «Всѣ мы виноваты,—вотъ что намъ необходимо признать» («Русь», 1882, № 1)—и посовѣтовалъ всѣмъ одно: покаяніе. — Кайтесь, молъ, всѣ: и тѣ, кто крадетъ, и тѣ, у кого крадутъ. Кайтесь, — но не бунтуйтесь: сіе глаголю особенно тѣмъ, у кого крадутъ.

На дняхъ спеціальный корреспондентъ «Вольнаго Слова» изъ Петербурга и Москвы прислалъ въ Женеву телеграмму, что, по предложенію И. С. Аксакова, вся Россія будетъ обязательно засажена за добровольное чтеніе покаяннаго псалма царя Давида по сорокъ разъ въ день и покаяннаго канона св. Андрея Критскаго по три раза въ день. Не рѣшено только, будетъ ли эта мѣра объявлена св. Синодомъ обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, или Вселенскимъ соборомъ, который предполагается собрать въ Москвѣ, а также и то, будетъ ли обязательно читать канонъ св. Андрея по славянски, или по гречески. Подробности эти составляютъ предметъ соглашенія между гг. Побѣ-

доносцевымъ, Аксаковымъ и Катковымъ. Пока же, на основаніи формулы: beati possidentes, г. Побѣдоносцевъ сочинилъ двѣ новыя эктеніи отъ хищенія, а петербургское таможенное средостѣніе украло и себѣ нѣсколько мильоновъ.

Таково покамѣсть положеніе и Діонизія III, и Платона II, и средостѣнія. Чѣмъ покончатъ по крайней мѣрѣ, Діонизій съ Платономъ, не беремся предсказывать, но что кончатъ они худо, — въ этомъ мы увѣрены. Не будь въ Россіи освобождены крестьяне и будь нашъ молодой тиранъ побойчѣе, въ родѣ Діонизія I, — мы бы не сомнѣвались, что онъ бы подарилъ московскаго Платона въ рабство никому другому, какъ П. А. Шувалову, а этотъ бы продалъ его П. И. Чичикову на мѣсто умершаго отъ пьянства Петрушки, — и теперешній издатель «Руси» кончилъ бы тѣмъ, что, предовольный, выводилъ бы и въ барской передней «изъ буквъ слова, которыя иной разъ, чортъ ихъ знаетъ, что и значатъ». *) Но что

*) Въ древности ходилъ анекдотъ, будто старшій Діонизій подшутилъ надъ Платомъ такъ, что его, по дорогѣ Аѳины, завезли на Эгину, которая тогда была въ войнѣ съ Аѳинами, и гдѣ Платонъ былъ проданъ въ рабство, но былъ, конечно, выкуп-

сдѣлаетъ съ И. С. теперешній петербургскій тиранъ, право, не догадаемся; только, навѣрное, что нибудь тоже нехорошее.

Собственно на этомъ можно было бы намъ и окончить нашъ сравнительный этюдъ, — но мы предчувствуемъ, что читатель найдетъ его неполнымъ. —«А гдѣ же Діонъ?» — спроситъ читатель.

Требованіе чрезмѣрное и отъ природы, и отъ насъ, ея наблюдателя. Аналогія—не тожество! Настоящаго Діона нѣтъ теперь въ Петербургѣ и быть не можетъ. Діонъ все таки былъ и умный, и добродѣтельный человѣкъ, и подъ конецъ на революцію пустившійся, — и при этомъ родственникъ тирана. Не можетъ такой человѣкъ оказаться при дворѣ петербургскомъ. Правда, отдѣльные черты положенія Діона встрѣчаются и въ Петербургѣ, но въ разбросанномъ видѣ и совершенно самобытно сложенныя. Больше всего мы усматриваемъ Діоновскихъ чертъ

ленъ поклонниками.—«Ему молъ ничего — сказалъ будто бы старый тиранъ, — онъ такой добродѣтельный человѣкъ, что и въ рабствѣ будетъ счастливъ». Шутка совершенно въ московскомъ вкусѣ, но требующая нѣкотораго остроумія, которымъ не всякій самодуръ обладаетъ.

въ гр. Игнатьевѣ. Во первыхъ, онъ пріятель московскаго Платона,—а во вторыхъ, довольно богатъ. Правда, Діонъ разбогатѣлъ не самъ, а получилъ богатство отъ отца, который по тогдашнему игралъ на тогдашней биржѣ. Гр. Игнатьевъ же самъ игралъ по нынѣшнему на нынѣшней биржѣ, но такъ какъ онъ это дѣлалъ въ Константинополѣ,—то можно сказать, что это былъ не теперешній Игнатьевъ, а какъ бы отецъ его, — тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ онъ будто совсѣмъ наново народился: въ Константинополѣ онъ революціонировалъ народы, въ Петербургѣ онъ ихъ усмиряетъ; — въ Константинополѣ онъ былъ «отецъ лжи», въ Петербургѣ онъ вызываетъ отъ свѣдущихъ людей «слово правды». Больше же всего похожъ гр. Игнатьевъ на Діона своею страстью къ педагогіи. Хотя это сходство и en laid, но все же сходство, и крупное. Гр. Игнатьевъ не просто служитъ тирану, и не просто пасетъ и гоняетъ телятъ россійскаго Макара; онъ педагогствуетъ. По крайней мѣрѣ, самъ онъ о томъ заявляетъ въ своемъ французскомъ органѣ «Le Nord».

Тамъ, во 2 № за 1882 г., между прочимъ расписуется значеніе и будущность изобрѣтеннаго гр. Игнатьевымъ «института» — свѣду-

щихъ людей. «Эти свѣдущіе люди, говоритъ «Le Nord», теперь представители русскаго общества, призванные по выбору правительства (чудо, что за опредѣленіе!) для разрѣшенія текущихъ вопросовъ, но въ извѣстное время (dans un temps donné;—какая алгебра!) будутъ безъ сомнѣнія болѣе прямыми (геометрія, — хотя и неясная: если уже не прямыми, то хоть бы знать градусъ угла?) представителями земствъ. Эти свѣдущіе люди, организованные по всей Россіи въ постоянныя группы, которыя правительство будетъ приглашать, по мѣрѣ нужды, по частямъ (par fractions; — опять изъ алгебры!) болѣе или менѣе значительнымъ, содѣйствовать ему къ выработкѣ реформъ и которыхъ голосъ будетъ, какъ это уже и имѣло мѣсто, выслушиваемъ въ средѣ государственнаго совѣта,— эти свѣдущіе люди, говоримъ мы, научатся, посредствомъ частыхъ собраній въ столицѣ Россіи, подниматься отъ пониманія интересовъ мѣстныхъ и заботъ своихъ закоулковъ (des préocupations de clocher) до интересовъ общихъ и истинно національныхъ*). Они составятъ со временемъ то, чего

*) Замѣчательно, что и французскій педагогъ,

не достаетъ еще Россіи, — политическій классъ, принимая это слово въ его первоначальномъ (originelle) и практическомъ смыслѣ».

Ну, какъ же не педагогія?! Мы всегда думали, что «институтъ свѣдущихъ людей» есть совсѣмъ педагогическая выдумка, нѣчто въ родѣ ружей безъ пороху, или романсовъ безъ любви, которые сочинялъ покойный принцъ П. Г. Ольденбургскій для воспитанницъ институтовъ благородныхъ дѣвицъ. Представители общества, — его не представляющіе; нѣкоторымъ образомъ если не парламентъ, то говорильня,—но безъ всякихъ правъ, наконецъ, свѣдущіе люди, которые признаются въ своемъ невѣдѣніи! Но до сихъ поръ можно было думать, что если это не игрушка для забавы общества и препровожденія времени правительства, такъ (въ лучшемъ случаѣ) это игрушка для пріученія самодержца не бояться представительства. А оказывается, что

Гамбетта, какъ разъ это самое словечко: « les préoccupations de clocher » употреблялъ, добиваясь scrutin de liste, но французы на что ужъ любители политической педагогіи, — а и тѣ догадались отправить самого педагога на прогулку и предпочли ему людей съ менѣе педагогическими наклонностями.

это педагогика въ серьезъ, надолго, — и при томъ педагогика для самихъ свѣдущихъ людей, которые будутъ обучаться наукѣ подниматься до общихъ интересовъ и прочаго такого. Хоть бы программу экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости по части этого поднимания скорѣе напечатали, — чтобъ знать, что для сего курса требоваться будетъ, и сообразить, во сколько времени сей курсъ пройти можно? Вѣдь жизнь то коротка, а слово « со временемъ » — безконечно.

Да за одно бы уже обнародовать и аттестаты самихъ экзаменаторовъ для школяровъ новыхъ политическихъ классовъ, учреждаемыхъ въ Россіи, «по волѣ императора и замыслу гр. Игнатьева». Самъ то, напр., гр. Игнатьевъ гдѣ проходилъ курсъ политической зрѣлости и науки поднимания до интересовъ общихъ и истинно - національныхъ? Сначала, кажется, въ пажескомъ корпусѣ, а потомъ въ Турціи?! Но ни тамъ, ни тамъ политическія науки что то не процвѣтаютъ! Да въ Турціи какъ имъ и процвѣтать, если тамъ высшія политическія науки преподаются визирями, изъ которыхъ, если бы кто и попался настоящій докторъ сихъ наукъ, такъ никогда не можетъ поручиться за

полноту своего курса, ибо не вѣдаетъ ни дня, ни часа, въ онь же его султанъ въ загривокъ вытолкаетъ? Оттого тамъ высшею политическою наукою считается эквилибристика. И не сей ли наукѣ хочетъ обучить гр. Игратьевъ «представителей русскаго общества, выбираемыхъ теперь правительствомъ», и будущихъ «болѣе прямыхъ представителей земствъ»? Такъ вѣдь обученый сей наукѣ «политическій классъ» въ Россіи давно уже существуетъ, такъ что въ простомъ народѣ и самое слово «политика» получило оригинальное (original, если не originel) значеніе: лжи и плутовства.

Повторяемъ, нѣтъ другаго способа создать настоящую политическую зрѣлость, какъ практика свободы. Всякія педагогическія затѣи со взрослыми людьми, даже искренне задуманныя, обыкновенно ни къ чему доброму не приводятъ. На эту мысль намекалъ даже Діону Сиракузскому его соперникъ и товарищъ по борьбѣ съ Діонизіемъ, Гераклидъ, когда отказался поступить въ число установленныхъ Діономъ свѣдущихъ людей, сказавши, что онъ ни что иное, какъ обыкновенный гражданинъ, и что онъ пойдетъ только въ народное собраніе вмѣстѣ со всѣми

другими гражданами. Діонъ не понялъ намека и доцедагогствовался до весьма худаго конца.

Мы никому не желаемъ такого конца и не беремся пророчествовать гр. Игнатьеву о его судьбѣ, хотя исполненіе нашего предсказанія гр. Лорису Меликову (См. «Соловья баснями не кормятъ») и соблазняетъ насъ предсказать такой или иной «полетъ въ бездну» и его наслѣднику; мы отмѣтимъ только, какъ характеристическое совпаденіе, что намекъ, подобный сдѣланному Гераклидомъ Діону, сдѣланъ былъ и изобрѣтателю «института свѣдущихъ людей» въ Россіи новгородскимъ земствомъ, которое запретило своимъ должностнымъ лицамъ поступать въ эту школу. Въ настоящее «народное собраніе, наравнѣ съ другими гражданами», новгородскіе земцы, конечно, пойдутъ охотно...

Подчиненный гр. Игнатьева, мѣстный губернаторъ опротестовалъ этотъ намекъ новгородскихъ Гераклидовъ, — и всероссійскіе гувернеры, очевидно, не поняли его значенія. Тѣмъ хуже для гувернеровъ!

Впрочемъ, богъ бы съ ними, съ гувернерами и прочими политическими педагогами, — но страхъ беретъ за ту страну, гдѣ ужъ

слишкомъ много охотниковъ гувернерствовать развелось, вотъ, напр., какъ теперь въ Россіи. И кто въ ней не гувернерствуетъ? И царь, и всѣ великіе князья гувернерствуютъ, и г. Аксаковъ педагогствуетъ, и гр. Игнатьевъ политическіе классы съ безконечнымъ курсомъ открываетъ, и «Голосъ», самъ только что выпущенный раньше срока изъ карцера, «взнуздывать звѣря» собирается,— и даже редакція «Народной Воли» «на худой конецъ» собирается передавать власть надъ всѣми народами Россіи уже даже не всероссійской палатѣ депутатовъ, (по нашему, такъ и этотъ конецъ, нельзя сказать, чтобъ ужъ очень былъ добрый!) а просто «революціоннымъ представителямъ народа», т. е. самимъ себѣ. При видѣ такого распространенія у самыхъ разнообразныхъ россіянъ охоты къ власти и къ педагогіи, и намъ приходитъ на мысль сочинить для спасенія простыхъ обывателей Россіи отъ этой бѣды если не новую эктенію, то хоть маленькую замѣну въ финалѣ Молитвы Господней:

«и не введи насъ во искушеніе власти, но избави насъ отъ педагоговъ!»

М. Драгомановъ.